

© 2003 г. В.М. АЛПАТОВ

СТО ЛЕТ СПУСТЯ, ИЛИ СБЫВАЮТСЯ ЛИ ПРОГНОЗЫ?

Среди обширного и богатого идеями наследия И.А. Бодуэна де Куртенэ особый интерес именно сейчас вызывает статья "Языкознание, или лингвистика XIX века", впервые изданная по-польски в 1901 г. и в расширенном виде в 1904 г. Ее русский перевод вошел в известный двухтомник 1963 г. "Избранных трудов по общему языкознанию" И.А. Бодуэна де Куртенэ, т. 2, с. 3–18; на это издание (а точнее, на с. 16–18) мы будем в дальнейшем ссылаться (сейчас готовится новое издание трудов И.А. Бодуэна де Куртенэ, куда вновь войдет эта статья).

В статье, большая часть которой посвящена подведению итогов науки о языке XIX в., в наши дни особо актуальна ее заключительная часть, где выдающийся ученый делает развернутый прогноз из 17 пунктов, касающийся того, какой, по его мнению, будет наука о языке в наступающем XX веке. И.А. Бодуэн де Куртенэ, как известно, одним из немногих среди классиков языкознания активно ставил вопрос о языковом прогнозировании, о необходимости изучать не только прошлое и настоящее, но и будущее языков. Этот принцип он распространил в данной статье и на лингвистическую историографию.

Сейчас, когда XX век только что кончился, можно рассмотреть предложенные около ста лет назад прогнозы и попытаться ответить на естественно встающий вопрос: что оправдалось, а что нет. Мы будем последовательно разбирать пункты из статьи И.А. Бодуэна де Куртенэ, а также идущие после них три нумерованных абзаца.

"В XX в. языкознанию придется решить следующие задачи:

1. До конца освободиться от схоластических взглядов, идущих от первоначальных грамматических опытов греков и римлян, а также от более позднего налета идей, рабски перенятых либо от индийских грамматиков, либо от грамматиков арабских и еврейских. В связи с этим существовавшая до сих пор лингвистическая терминология должна измениться коренным образом, измениться не только по форме, но и по существу, в том, что касается понятий".

Прогноз сформулирован не очень конкретно, но скорее всего можно утверждать, что сбылся он лишь частично. Понятия предложения, слова, части речи, имени, глагола и др., идущие от греков и римлян, оказались неустраиваемыми из лингвистического описания. XX век, однако (и здесь И.А. Бодуэн де Куртенэ в некотором смысле прав), прошел под знаком многочисленных и разнообразных попыток уточнения этих понятий. Эти попытки не были свойственны лингвистике предшествующих веков и начались лишь в конце XIX в., в том числе в работах самого И.А. Бодуэна де Куртенэ. Ученый здесь, вероятно, экстраполировал в будущее этот процесс и в целом оказался прав. Что касается арабских и еврейских грамматиков, то на европейскую науку в целом (не говорим сейчас о семитологии) они прежде всего повлияли в одном отношении: от них идет идея о возможности членения слова на значимые части, понятия корня и аффикса. Но сам И.А. Бодуэн де Куртенэ значительно развил и уточнил эту идею, введя общее понятие морфемы. Объективно речь у него не шла об "освобождении до конца" от данного "налета идей" (хотя он, может быть, субъективно того хотел). А из идей, пришедших от индийцев, уточнение понятия сандхи привело в XX в. к созданию морфонологии; индийское происхождение имеет и идея синтетического под-

хода к языку, преобразования смысла в текст, абсолютно не свойственная европейской лингвистике от античности до эпохи И.А. Бодуэна де Куртенэ включительно (риторика развивалась отдельно); в лингвистике XX в. эта идея, появившаяся уже у учеников И.А. Бодуэна де Куртенэ ("активная грамматика" Л.В. Щербы), сыграла очень значительную роль.

И.А. Бодуэну де Куртенэ (как и многим его современникам и ближайшим потомкам) была свойственна недооценка "донаучного" языкознания до XIX в., см. например, крайне низкую оценку у него грамматики Пор-Рояля. Одним из редких исключений для него был Г.В. Лейбниц, о котором речь идет в следующем пункте. Но лингвистика XX в. во многом восстановила репутацию науки о языке XVIII в. и предшествующих веков; показательна, например, "вторая жизнь" грамматики Пор-Рояля с 60-х гг. XX в. Этого И.А. Бодуэн де Куртенэ не предугадал. Традиционные понятия в целом устояли, а некоторые из них вернулись в обиход лингвистики после временного забвения. Речь, разумеется, не шла о простом возвращении к старому.

"2. Осуществить мысль Лейбница и, в подражание естествоиспытателям, исходить всюду и всегда из исследования живых языков, доступных для наблюдения, и только потом переходить к рассмотрению языков, отраженных лишь в письменных памятниках древности".

Этот прогноз в целом оправдался. И структурная, и генеративная лингвистика XX в. развивались почти исключительно на материале современных языков. Даже компаративистика XX в. достигла большинства успехов на материале языковых семей, не имеющих или имеющих в малых количествах письменные памятники древних эпох. Лишь сравнительно немногие достижения лингвистики XX в. (хеттология, тохаристика, дешифровка ряда письменностей) связаны с такими памятниками.

"3. Где только можно, применять метод эксперимента. Это лучше всего осуществимо в антропофонике, которая должна расширить объем своих наблюдений, включив, с одной стороны, звуки, издаваемые животными, а с другой стороны, языки с особенностями произношения, которые до сих пор оставались непонятными для нас. Таким образом, антропофоника, расширив область исследования, на деле станет наукой общей, строящейся на реальном базисе".

В целом этот прогноз также оправдался: в XX в. применение эксперимента в лингвистике значительно расширилось, и не только в упоминаемой И.А. Бодуэном де Куртенэ фонетике, но и в психолингвистике, полевой лингвистике и др. Здесь же речь идет более конкретно об антропофонике. Под этим термином И.А. Бодуэн де Куртенэ, как известно, понимал изучение физических свойств и артикуляторных характеристик звуков речи; в XX в. в этом смысле установился термин "фонетика". Говоря об этой дисциплине, ученый оказался прав в целом и не всегда прав в деталях. Несомненно, фонетика, став экспериментальной дисциплиной в XIX в., сохранила этот характер и в XX в. Изучение звуков животных в XX в. также велось, однако, вне связи с "человеческой" фонетикой: стало ясно, что эти области слишком далеки друг от друга. Что же касается "возможностей произношения", то сто лет назад в науке еще не была преодолена идея, согласно которой люди разных рас обладают разными произносительными возможностями. Наука XX в. окончательно (по крайней мере, так представляется сейчас) пришла к выводу о том, что строение голосового аппарата и акустика звуков универсальны для всех людей, а наличие щелкающих или фарингальных в одних языках при отсутствии в других – проблема фонологии, а не фонетики.

"4. В связи с этим становится необходимой замена знаков алфавита знаками транскрипции на основе анализа или разбора звуков различных языков".

Прогноз оправдался до такой степени, что современному лингвистически образованному читателю может даже показаться странным, зачем такие вещи вообще надо обсуждать. Однако сто лет назад даже многие фонетисты, записывая речь того или иного языка или диалекта, "слышали" буквы, а не звуки. Борьба со смешением звуков с буквами постоянно ведется в разных публикациях И.А. Бодуэна де Куртенэ.

Теперь, конечно, в отдельных малопрофессиональных работах такое смешение встречается, но использование транскрипции уже давно общепринято.

"5. Нужно чаще применять в языкознании количественное, математическое мышление и таким образом приблизить его все более и более к наукам точным".

Прогноз бесспорно оправдался. Примеры математизации лингвистики общеизвестны. Отметим лишь, что в отличие от четырех предыдущих прогнозов, так или иначе опиравшихся на уже существовавшие к концу XIX в. тенденции, здесь И.А. Бодуэн де Куртенэ мог исходить лишь из способностей к предвидению или из опыта других, очень далеких от лингвистики наук. Всерьез проблема математизации лингвистики встала лишь в 40–50-е гг. XX века.

"6. Языкознание будет становиться все более точной наукой также в зависимости от того, насколько в его базисной науке, в психологии, будет совершенствоваться метод качественного анализа".

Впервые мы имеем прогноз, который скорее всего следует считать не оправдавшимся. "Метод качественного анализа" в психологии безусловно развивался в XX в., однако вряд ли это как-то сказалось на превращении лингвистики в более точную науку; последний процесс шел, но прежде всего по причинам, о которых говорится в предыдущем пункте.

В этом пункте мы в первый раз сталкиваемся с проблемой, которая отразится еще в нескольких пунктах; проблемой психологии как "базисной науки" лингвистики. И.А. Бодуэн де Куртенэ придавал этому очень большое значение, вспомним его определения фонемы и морфемы как единиц, реально существующих в человеческой психике. Психологизм не был каким-то индивидуальным свойством его концепции, он был свойствен и главным его научным оппонентам – младограмматикам, и многим другим его современникам. Однако в первой половине XX в. развитие лингвистики пошло противоположно предсказаниям Ивана Александровича, считавшего усиление психологизма в лингвистике неизбежным. Антипсихологизм господствовал почти во всех направлениях структурной лингвистики, лишь немногие из видных ученых 20–30-х гг. XX в. отстаивали необходимость учета взаимоотношений языка и психики: К. Бюлер, А. Гардинер, Э. Сепир. Но во второй половине века ситуация изменилась. Это отразилось не только в формировании и развитии психолингвистики, но еще в большей степени в концепции Н. Хомского, предложившего считать лингвистику ветвью психологии познания. Однако, разумеется, возврат к признанию психологических основ лингвистики происходит в форме, которую не мог предугадать И.А. Бодуэн де Куртенэ.

"7. Исследование языковых фактов должно стать строго объективным, оно должно быть констатацией существенных фактов данной эпохи и данной языковой области без навязывания им чужих категорий".

Этот прогноз в целом оправдался, хотя, конечно, надо различать стремление к объективности и к отказу от навязывания чуждых категорий как стремление к идеалу и реальную исследовательскую практику. Первое сейчас общепринято (тогда как наука XIX и более ранних веков чаще всего просто не задумывалась над этим), а на практике вряд ли идеал до конца достигнут. Но в XX в. на пути к этому сделано много. Сто лет назад, например, в описании современных языков за пределами Европы господствовал жанр миссионерской грамматики, в котором в любом языке выделялись одни и те же части речи, грамматические категории и др. Наука XX в., начиная с "классического" структурализма, сделала много для выяснения того, что в языках универсально, а что является типологической особенностью тех или иных языков, например, языков Европы. Важным здесь также была разработка метода описания языков, особенно детальная у дескриптивистов.

"8. Первым, кардинальным требованием объективного исследования должно быть убеждение в безусловной психичности (психологичности) и социальности (социологичности) человеческой речи".

Этот прогноз оказался абсолютно неверным в ближайшей, но во многом справедливый в более отдаленной перспективе. В структурной лингвистикеسخичность и социальность, не отвергаясь сами по себе, вывелись за пределы объекта "внутренней лингвистики", а то и лингвистики вообще (особенно последовательно – в глоссематике и дескриптивизме). О психических основах мы говорили выше. О социальных основах речи писали в те годы либо продолжатели бодуэновской традиции (Е.Д. Поливанов), либо авторы, резко противостоявшие по идеям всем тенденциям развития науки того времени (В.Н. Волошинов – М.М. Бахтин). Однако лингвистика второй половины XX века в том или ином виде снимает ограничения, установленные Ф. де Соссюром и его последователями. Впрочем, психичность и социальность может не признаваться одновременно: Н. Хомский связывает лингвистику с психологией, но весьма прохладно относится к внесению в лингвистику социологического компонента. С другой стороны, последний компонент значим не только в собственно социолингвистике, но и в лингвистике дискурса, прагматике и др.

"9. Понятие "звуковых законов" должно быть окончательно отброшено языкознанием и заменено его психологическим эквивалентом".

Этот прогноз не оправдался. Во всем научном творчестве И.А. Бодуэна де Куртенэ заметно очень личное отношение к термину "закон" в лингвистике, восходящее, по-видимому, ко времени его научного и личного расхождения с Н.В. Крушевским, в концепции которого понятие закона занимало очень большое место. Постоянно И.А. Бодуэн де Куртенэ выступал против данного понятия. Однако в лингвистике XX в. разработанное в XIX в. понятие звукового закона (и шире, закона изменения в языке) сохранилось, хотя и не играет столь большой роли, как в предыдущем веке. Практическая работа компаративиста невозможна без некоторого представления о звуковом законе. Вопрос о психологическом эквиваленте звукового закона составляет часть вопроса о причинах изменений в языке и вместе с ним отошел в XX в. на периферию лингвистики, о чем будет сказано ниже.

"10. Исследуемые языки должны подвергаться всестороннему поэлементному анализу во всех возможных направлениях".

Прогноз оправдался. Структурная фонология и морфология разработала методику поэлементного анализа в соответствующих областях лингвистики, а генеративная лингвистика ведет эту разработку дальше, распространив ее и на синтаксис. Что касается направлений, то, например, в грамматике сто лет назад абсолютно господствовал один путь анализа: от слова вниз, к его частям, и вверх, к его сочетаниям. В науке XX в. был разработан и путь "снизу вверх", от морфем через слова (или без использования такого понятия) к предложениям, и путь "сверху вниз", от предложений к морфемам (последний путь одним из первых разрабатывал как раз И.А. Бодуэн де Куртенэ).

«11. Понятие развития и эволюции должно стать основой лингвистического мышления. Это должно привести *eo ipso* (само собой. – В.А.) к искоренению предрассудка, называемого антропоцентризмом, предрассудка, вырывающего человека из среды других живых существ, а также к освобождению от мании величия, заключающейся в том, что строение "наших" языков считается вершиной морфологического развития в языковом мире».

Прогноз в целом не оправдался. Точнее, его можно разбить на три предсказания, из которых оправдалось лишь последнее, самое частное, о "вершине морфологического развития".

Лингвистическое мышление XX в., по крайней мере, большей его части, шло как раз в сторону отхода от идей развития и эволюции. Пожалуй, именно здесь, а даже не в психологизме, И.А. Бодуэн де Куртенэ более всего отличался от ученых последующих поколений. Задолго до Ф. де Соссюра он предложил разграничение статичности и динамики в языке. Но если его статика сопоставима с соссюровской синхронией, то динамика значительно богаче содержанием, чем соссюровская диахрония: это не набор разрозненных фактов, а наука о закономерностях языкового развития. Но именно динамика в целом оказалась чужда лингвистике первой половине XX в. (хотя

некоторые идеи, особенно принцип экономии, получили там некоторое развитие). Идеи И.А. Бодуэна де Куртенэ больше всего повлияли на нее в области статистики, которую ученый считал лишь частным, предельным случаем динамики (прежде всего идеи о фонеме и морфеме). А.Ф. де Соссюр столь повлиял на развитие науки именно тем, что открыл возможность развивать науку о языке, отвлекаясь от существования самой разработанной в те годы ее области – сравнительно-исторического языкознания, целиком сосредоточившись на считавшейся тогда "не вполне научной", "описательной" синхронии. Позднее появилась и структурная диахронная лингвистика, однако и она не пошла по пути, указанному И.А. Бодуэном де Куртенэ. В частности, она отказалась от понятий эволюции и развития, сосредоточившись на дискретных изменениях в языке и перестройке системы на их основе. Лингвистика конца XX в. уже не исходит из столь жесткого, как когда-то, разграничения синхронии и диахронии, однако трудно считать, чтобы понятия развития и эволюции лежали в ее основе. Вообще проблема причин языкового развития, едва ли не главная для самого Ивана Александровича, а затем для его ученика Е.Д. Поливанова, ушла в XX в. на периферию лингвистики, хотя здесь иногда и появлялись значительные работы, например, "Принцип экономии в фонетических изменениях" А. Мартине. Эта проблема оказалась перенесенной на XXI век.

Не оправдался и прогноз об "искоренении" антропоцентризма. Пожалуй, этот тезис противоречит ряду других у И.А. Бодуэна де Куртенэ, в том числе и содержащихся в разбираемом нами тексте. Признание лингвистики психосоциологической наукой естественно сочетается с антропоцентризмом, а его "искоренение" в истории лингвистики как раз связано с подходом к лингвистике как естественной науке, которого И.А. Бодуэн де Куртенэ не принимал. После некоторых попыток такого "искоренения" в крайних направлениях структурализма мы видим полное господство антропоцентрического, "менталистского" подхода в последней трети XX века. Н. Хомский, как известно, выдвинул концепцию о качественном различии человека и животных в связи с языком.

Подтвердился лишь частный прогноз о том, что окончательно уйдет в прошлое идея о том, что языки Европы с точки зрения морфологического развития – самые совершенные. Такая идея, очень распространенная в начале и середине XIX в., уже к концу этого века стала отвергаться, а в XX в. от нее отказались (хотя были и рецидивы вроде марризма).

"12. Понятие эволюции должно привести к допущению постоянных осцилляций, колебаний в строении языка (в области сложных языковых форм: слов, выражений и предложений – переход централизации в децентрализацию и децентрализации в централизацию)".

Опять пример прогноза, неверного в ближайшей перспективе, но во многом верного в более отдаленной. По-видимому, И.А. Бодуэн де Куртенэ имел в виду, что идея "осцилляций" должна заменить идею однонаправленного, стадийного развития, сильно скомпрометированную в XIX в. Однако лингвистика в течение большей части XX в. вообще почти не занималась исторической типологией, а отдельные ее идеи на этот счет скорее имели характер однонаправленного развития в смягченном виде: понятие дрейфа у Э. Сепира и др. Но так называемая функционалистская типология последней четверти XX в., особенно в США и России, начала разрабатывать как раз проблему, поднятую И.А. Бодуэном де Куртенэ: грамматикализация и деграмматикализация, движение от подлежащего к топику и в обратном направлении и т.д. Так что с сильной задержкой и этот прогноз начал сбываться.

"13. Лексиология, или наука о словах, как отдельная ветвь грамматики будет творением XX в."

Редкий термин "лексиология" (не лексикология!) встречается у И.А. Бодуэна де Куртенэ несколько раз, немного по-разному определяясь. Однако в энциклопедии Брокгауза и Ефрона он определял лексиологию как "науку о словах и выражениях самого разнообразного содержания и самого разнообразного объема" [Бодуэн 1904:

519], при этом "построение отдельных слов и словоподобных единиц языка" здесь же отнесено к "морфологии в тесном смысле". В другой работе примерно тех же лет лексикологией названо "учение о словах как частях речи и о разных категориях слов: грамматический род, виды глаголов и т.п." [Бодуэн 1963: 32], а "представления, касающиеся строя слов и выражений", опять-таки отделены. Можно предполагать, что под "лексикологией" ученый имел в виду лексическую и грамматическую семантику слов. Если это так, то прогноз можно считать оправданным, хотя опять-таки не в ближайшей перспективе. Лексическая семантика сто лет назад существовала (если отвлечься от исторического аспекта) лишь в виде приблизительных, основанных на интуиции толкований в словарях. Первая половина XX в. выдвинула здесь некоторые идеи вроде компонентного анализа, но значительного продвижения вперед не было. Но в последние три десятилетия действительно начала складываться разработанная лексическая семантика, в том числе в нашей стране. Теперь уже можно считать, что "наука о словах и выражениях самого разнообразного содержания и самого разнообразного объема" существует.

"14. Возможно, что будут обнаружены новые родственные связи между языками и группами языков и даже принципиально изменится взгляд на сущность межязыкового родства. Откроются совершенно новые горизонты. Имевшиеся до сих пор, в XIX в., попытки сопоставления в генетическом плане языков семитских и ариоевропейских или угро-финских и ариоевропейских не могли увенчаться успехом из-за отсутствия достаточных научных доказательств. Может быть, XX веку больше повезет в этом отношении. Одним из ближайших и первостепенных открытий в этой области является доказательство генетического родства группы семитских языков с кавказскими (грузино-мингрельскими) языками (открытие проф. Марра в Петербурге)".

Как и в случае предсказания 3, этот прогноз оправдался в целом при несовпадении с реальностью в частностях: Н.Я. Марр не сумел ничего доказать из того, что обещал. Кстати, к 1901 г. гипотеза о семитско-картвельском родстве существовала лишь в виде декларативных заявлений. Появившиеся позже более подробные публикации с конкретными примерами сразу разочаровали специалистов. Однако по сути И.А. Бодуэн де Куртенэ оказался прав. Если в XIX в. из областей компаративистики по-настоящему разработана была лишь индоевропеистика, то в XX в. произошли как многочисленные открытия в области установления родственных связей между неиндоевропейскими языками, так и существенное развитие исследований дальнего родства (ностратика). Горизонты действительно открылись (и гипотеза Н.Я. Марра в ее первоначальном виде была, как становится ясно сейчас, научно не обеспеченной догадкой, шедшей в правильном направлении). Не подтвердился лишь прогноз (на котором И.А. Бодуэн де Куртенэ явно категорически не настаивал) об изменении "взгляда на сущность межязыкового родства": этот взгляд оказался принципиально тем же, что в XIX веке.

"15. Языковые обобщения будут охватывать все более широкие круги и все более соединять языкознание с другими науками: с психологией, с антропологией, с социологией, с биологией".

Опять мы имеем дело с прогнозом, который сейчас выглядит в большей степени оправдывающимся, чем в середине XX века. Вся первая его половина шла под знаком отделения лингвистики от других наук, выработки собственно лингвистических идей и методов. Кто-то с этим не был согласен: сам И.А. Бодуэн де Куртенэ, Е.Д. Поливанов, Э. Сепир, но общая линия развития была такой. Однако последние десятилетия мы видим все большее развертывание обратного процесса, и соединение языкознания с другими науками идет.

"16. Этимологические и семасиологические исследования окажут огромное влияние на психологию и дадут ей совершенно новый материал для выводов и обобщений".

Этот прогноз, пожалуй, не оправдался, хотя и здесь проблема сейчас актуальнее, чем несколько десятилетий назад. Вопрос о влиянии лингвистики на психологию, поднятый еще в 60-е гг. Н. Хомским, в основном переходит на XXI век.

"17. Наряду с двумя до сих пор известными видами знания, т.е. рядом с интуитивно-артистическим и аналитически-научным знанием станет третий вид знания – знание языковое".

Этот прогноз наиболее сложен для понимания. Что такое "языковое знание", И.А. Бодуэн де Куртенэ в данной статье не объясняет, но в энциклопедической статье 1904 г. он пишет об этом подробнее: "...Мы вправе считать язык особым знанием, т.е. мы вправе принять третье знание, з н а н и е я з ы к о в о е, рядом с двумя другими – со знанием интуитивным, созерцательным, непосредственным, и знанием научным, теоретическим. В каждом языке мы можем выделять и определять наслоения и пережитки различных мировоззрений, или следовавших друг за другом в порядке хронологическом, или же отражающих собою различные стороны явлений природы и общественной жизни... В тесной связи с мышлением язык может воздействовать на него или ускоряюще, или замедляюще, или усиливающим, или подавляющим образом" [Бодуэн 1963: 79]. Далее в качестве примера разбираются членение мира в падежных системах различных языков и "применение закона эгоцентризма" в языках. То есть языковое знание – это примерно то, что в современных исследованиях называется картиной мира, закрепленной в языке.

Изучение картин мира в науке XIX в. систематически не проводилось, хотя проблема была поставлена еще В. фон Гумбольдтом. На протяжении большей части XX в. оно также находилось на периферии лингвистики, хотя можно вспомнить и Э. Сепира, и Б. Уорфа, и работы В.И. Абаева 30-х гг. Однако сейчас эта проблема стала в лингвистике одной из центральных. Если считать, что И.А. Бодуэн де Куртенэ имел в виду лишь изучение "языкового знания" в науке о языке, то прогноз можно считать подтвердившимся. Однако создается впечатление о том, что он имел в виду нечто большее: языковое знание войдет в некоторую общую теорию знания, где будет сопоставляться с другими видами знания; заниматься этим должна будет не лингвистика, а какая-то комплексная наука. Если понимать ученого так, то прогноз пока что не сбылся, а проблема переходит на XXI век. Прием компромиссное решение: прогноз сбылся частично.

Таким образом, можно подвести следующие итоги. У И.А. Бодуэна де Куртенэ 17 прогнозов, однако прогноз 11 состоит из трех прямо не связанных между собой частей и может быть разделен на три: по порядку их следования в тексте назовем их 11–1, 11–2, 11–3. Тогда у нас прогнозов будет 19. Из них полностью сбылись прогнозы 2, 4, 5, 7, 10, 11–3, то есть 6 из 19. Сбылись в конечном итоге (при том, что в первой половине века они не подтверждались) прогнозы 8, 12, 13, 15, то есть еще четыре. Частично сбылись прогнозы 1, 3, 14, 17. Не оправдавшимися можно считать лишь пять прогнозов: 6, 9, 11–1, 11–2, 16, то есть чуть более четверти. Если считать прогноз 11 за один, то он может быть отнесен к частично сбывшимся, тогда у нас из 17 прогнозов полностью сбылись пять, сбылись в дальней перспективе четыре, частично сбылись пять и не сбылись совсем лишь три. Процент "попадания" велик.

Безусловно, за сто лет приоритеты лингвистов не могли не измениться и не всегда мы можем считать, что И.А. Бодуэн де Куртенэ предугадал действительно самое важное из того, что потом произошло в лингвистике. Однако многое он предсказал правильно, и особенно примечательно, что он предугадал кое-что из того, к чему наука о языке пришла лишь во второй половине века.

Далее в статье идет фрагмент, где И.А. Бодуэн де Куртенэ уже не дает прогнозы о развитии науки, а высказывает свое представление о желательных изменениях в школьном и вузовском обучении языковым дисциплинам. Приведем его (им заканчивается статья):

«Но языкознание может принести пользу в ближайшем будущем, лишь освободившись от обязательного союза с филологией и историей литературы. Прежде всего университетские кафедры языкознания должны стать самостоятельными и объединиться скорее с кафедрами социологическими и естественно-научными, чем с филологическими.

К этому должны подготовить низшая и средняя школы, в которых применение языковедческих знаний займет не последнюю роль. Но для достижения этого нужно покончить с представлением, будто наука о языке начинается с "мертвых" языков, а обучение иностранным языкам должно происходить при помощи перевода, без применения наглядного метода. В школах грамматическая терминология должна стать единообразной, а основой усвоения грамматических понятий должен служить "родной" язык или же другой, соответствующим образом усвоенный. Искусство использования языкового материала для педагогических целей будет заключаться в осмыслении учениками бессознательных языковых процессов.

Чтобы это могло осуществиться, в школах должно прежде всего прекратиться господство мракобесия, препятствующего проникновению в головы молодежи света настоящей науки – науки в ее современном понимании».

Не будем сейчас говорить о том, насколько соответствует идеям И.А. Бодуэна де Куртенэ языковое обучение начала XXI века во всем мире. Скажем лишь о нашей стране, которую явно в первую очередь имел в виду ученый. Можно сказать, что его надежды оправдались лишь частично, причем в вузах и школах по-разному.

Осужденное И.А. Бодуэном де Куртенэ объединение лингвистического образования с филологическим в целом оказалось у нас очень устойчивым при всех общественных переменах. Лишь на грани 50-х и 60-х гг. была проведена попытка создания собственно лингвистического образования: в ряде вузов были созданы особые отделения лингвистики, иногда при факультетах кибернетики, но чаще при филологических, однако с собственными программами, не включавшими, как правило, филологические дисциплины. Затем, однако, начался откат, и от того времени сохранилось лишь отделение структурной (ныне – теоретической) и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ. В 90-е гг. снова начали предприниматься попытки создания лингвистических отделений и факультетов, как правило, автономных. Идея И.А. Бодуэна де Куртенэ об объединении с социологическими и естественно-научными кафедрами пока не осуществляется.

В школе программа И.А. Бодуэна де Куртенэ частично начала осуществляться после 1917 г.: было ликвидировано классическое образование, против которого он всегда выступал, значительно изменилось преподавание иностранных языков, в 20-е гг. А.М. Пешковский, М.Н. Петерсон и другие наши выдающиеся ученые много делали для того, чтобы школьное преподавание русского языка стало более научным. Однако их деятельность имела лишь частичный успех, а в последующие десятилетия во многом произошел и откат назад. Сейчас вновь стоит вопрос о переменах в обучении, причем иногда эталоном начинают считать ситуацию предреволюционных лет, можно слышать даже призывы к восстановлению классического образования. Кому-то может даже показаться странным, что столь крупный ученый как раз боролся против традиций времен "серебряного века", однако у него были для этого основания. Во всяком случае и здесь идеи Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ оказываются актуальными.

По данной публикации И.А. Бодуэна де Куртенэ см. также статью А.Е. Кибрика [Кибрик 1995], выводы которого близки к нашим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бодуэн 1904 – Бодуэн де Куртенэ И.А. Языкознание // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 81. СПб., 1904.
Бодуэн 1963 – Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М., 1963.
Кибрик А.Е. 1995 – Современная лингвистика: откуда и куда? // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 1995. № 5.